

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 202

18 августа 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителей Р., П., представителя адвоката С. – адвоката И. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов, доверенность на бланке ... от 19 мая 2026 года, удостоверена Х., нотариусом города Москвы, зарегистрирована в реестре за № ...; Ордер от 20 мая 2026 года № ..., выдан Коллегией адвокатов «Гильдия московских адвокатов «Б.», удостоверение адвоката № ..., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 01 апреля 2024 года), рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Р. и П. от 08 апреля 2026 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 10 июня 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителями Р., П., выразившемся в том, что она, зная актуальный адрес регистрации доверителей по месту жительства, и о нарушении правил подсудности гражданского дела № ..., рассматриваемого К. районным судом города Москвы, умышленно не сообщила об этом суду, не заявила ходатайство о передаче указанного гражданского дела по подсудности в З. районный суд города Москвы, указала в возражениях на исковое заявление недостоверный адрес места жительства доверителей, чем поставила свой личный интерес в рассмотрении указанного гражданского дела территориально удобным для нее судом и стремление создать для

доверителей возможность обжалования неблагоприятного судебного акта выше установленных законом правил подсудности дела;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по жалобе Р., П. от 08 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. извещенная надлежащим образом и своевременно получившая заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, обеспечила участие в заседании Совета своего представителя – адвокат И. Руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившейся адвоката С.

Представитель адвоката С. – адвокат И. в заседании Совета сообщила, что заключение Квалификационной комиссии она и ее доверительница получили, ознакомились с ним, с выводами Комиссии не согласны. Полагает, что определение подсудности является компетенцией суда, и ему ничто не мешало установить место регистрации ответчиков по делу. При этом со стороны адвоката С. отсутствовали какие-либо умышленные действия, направленные на несоблюдение закона и нарушение прав заявителей, и отсутствовал какой-либо личный интерес в рассмотрении гражданского дела заявителей в К. районном суде города Москвы.

Заявители Р. и П. в заседании Совета сообщили, что заключение Квалификационной комиссии получили, ознакомились с ним, с выводами Комиссии согласны частично, не согласны с выводом о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении дисциплинарного обвинения в некачественном оказании адвокатом С. юридической помощи, выразившемся в направлении заявителям копий Возражений на исковое заявление лишь после вынесения судом решения по их гражданскому делу.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав явившихся участников, признает, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельства дела, однако с ее выводами соглашается частично и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

12 октября 2025 года между адвокатом С. и доверителями Р. и П. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.1 которого адвокат С. приняла на себя обязательство оказать доверителям юридическую помощь по представлению их интересов в К. районном суде города Москвы по гражданскому делу № ... по иску к ним индивидуального предпринимателя С. о взыскании

задолженности. Пунктом 2.1 указанного Соглашения вознаграждение адвоката С. было установлено в размере 150 000 рублей и подлежало оплате в следующем порядке: 75 000 рублей – в день заключения Соглашения, 75 000 рублей – не позднее 27 октября 2025 года. 12 октября 2025 года заявитель П. перевела на счет адвокатского кабинета адвоката С. 75 000 рублей и 25 октября 2025 года – еще 75 000 рублей.

27 октября 2025 года адвокат С. во исполнение поручения направила адвокатский запрос № 19 в Федеральную службу по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) о предоставлении сведений о постановке на учет индивидуального предпринимателя С. как лица, оказывающего посреднические услуги при осуществлении сделок с недвижимым имуществом, а 20 ноября 2025 года – адвокатский запрос № ... в ООО «А.» о предоставлении сведений о публикации объявлений Р. о продаже объектов недвижимого имущества.

Кроме того, адвокат С. подготовила и 27 января 2026 года представила в суд возражения на исковое заявление с приложением документов, подтверждающих доводы ответчиков, включая ответы на указанные адвокатские запросы. 03 марта 2026 года адвокат С. представила в суд дополнительные возражения на исковое заявление.

03 марта 2026 года К. районный суд города Москвы вынес решение по гражданскому делу № ..., которым иски требования индивидуального предпринимателя С. к Р., П. удовлетворил частично. С Р., П. солидарно взысканы в пользу истца сумма долга в размере 4 920 000 руб., государственная пошлина в размере 58 440 руб., расходы на нотариальные услуги в размере 54 300 рублей.

02 апреля 2026 года заявитель Р. направила адвокату С. в мессенджере МАХ несколько сообщений с просьбой предоставить все материалы их гражданского дела и с уведомлением о прекращении работы с ней: *«Мы все забираем, передаем другому адвокату»*. Адвокат С. ответила, что находится в командировке и вернет все документы после возвращения в Москву. 06 апреля 2026 года адвокат С. направила заявителям почтовым отправлением службой EMS с доставкой корреспонденции по тарифу «До двери» имеющиеся у нее материалы (на 434 стр.), о чем сообщила им в мессенджере и по электронной почте с приложением трек-номера почтового отправления.

В жалобе заявителя Р. и П. выдвинули в отношении адвоката С. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в том, что она, зная адрес места жительства заявителей, не сообщила его К. районному суду города Москвы, тем самым ввела в заблуждение заявителей и суд, в связи с чем были нарушены правила подсудности при рассмотрении гражданского дела № ...;

2) в некачественном оказании юридической помощи, выразившемся:

– в представлении отзыва на исковое заявление на двух страницах со ссылкой на спор, рассмотренный другим судом;

– в направлении заявителям возражений на исковое заявление лишь после вынесения судом решения по указанному гражданскому делу;

– в возражениях против участия заявителей и дачи ими объяснений в судебных заседаниях;

3) в совершении действий, способствовавших удовлетворению исковых требований, предъявленных к заявителям.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в несообщении адвокатом С. К. районному суду города Москвы актуального адреса места проживания заявителей жалобы, в связи с чем были нарушены правила подсудности при рассмотрении гражданского дела № ..., Совет пришел к следующим выводам.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в поданном истцом в К. районный суд города Москвы исковом заявлении указан адрес места жительства ответчиков Р. и П.: Этот адрес относится в территориальной подсудности К. районного суда города Москвы. Одновременно установлено, что заявители Р. и П. с 10 июня 2024 года зарегистрированы по адресу: ..., и указанный адрес относится к территориальной подсудности З. районного суда города Москвы. Таким образом, вышеуказанное исковое заявление было подано истцом в К. районный суд города Москвы с нарушением правил подсудности, установленных ст. 28 ГПК РФ.

Адвокат С. признала, что ей был известен актуальный адрес регистрации заявителей. Однако в возражениях на исковое заявление адвокат С. указала тот же адрес места жительства заявителей, который был указан истцом: Вместе с тем, возражая против рассматриваемого дисциплинарного обвинения, адвокат С. указала, что истребование сведений о месте регистрации заявителей относится к исключительной компетенции суда, такие сведения имелись в материалах дела, и суд должен был дать им оценку. Она не сообщала суду актуальный адрес места жительства заявителей, поскольку собиралась использовать факт нарушения территориальной подсудности в качестве апелляционного довода при обжаловании решения суда.

Оценивая профессиональное поведение адвоката С. в рассматриваемой части, Квалификационная комиссия пришла к выводу, что оно противоречит не только буквальному смыслу ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи со статьями 28, 33 ГПК РФ и ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, но и фундаментальным принципам честного, разумного и добросовестного исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). Этот вывод Комиссия обосновала тем, что адвокат С. поставила свой личный интерес в рассмотрении указанного гражданского дела территориально удобным для нее судом и стремление создать для доверителей возможность обжалования неблагоприятного судебного акта выше императивных норм закона, способствуя нарушению судом фундаментальных правил подсудности дела.

С таким выводом Квалификационной комиссии Совет согласиться не может, поскольку он не основан ни на установленных Комиссией фактических обстоятельствах, ни на предъявляемых к адвокату профессионально-этических требованиях.

Во-первых, в материалах настоящего дисциплинарного производства отсутствуют доказательства наличия личного интереса адвоката С. в рассмотрении дела именно К. районным судом города Москвы. Этот вывод сделан Комиссией исключительно на голословных утверждениях заявителей, в то время как адвокат С. эти доводы отвергала. Иных доказательств ее личного интереса не представлено.

Во-вторых, отсутствуют императивные нормы закона, обязывающие ответчика по делу либо его представителя – адвоката заявлять о нарушении подсудности и ходатайствовать о передаче гражданского дела по подсудности. Как указано выше, территориальную подсудность дела выбрал истец, а не адвокат С. При этом ее доверители – заявители в настоящем дисциплинарном производстве заключили соглашение с адвокатом С. на представление их интересов именно в К. районном суде города Москвы, самостоятельно не обращались ни к ней, ни к суду с заявлением о передаче дела в другой суд по подсудности, согласившись с предложением адвоката С. оставить это обстоятельство в качестве «тактического хода» на случай апелляционного обжалования невыгодного для заявителей решения суда. В свою очередь, судом не инициировались запросы в компетентные органы для установления места жительства ответчиков.

Помимо этого, Совет отмечает, что требования профессиональной этики не возлагают на адвоката обязанности по исправлению ошибок процессуального оппонента либо суда, особенно в тех случаях, когда это не отвечает интересам доверителя. Являясь по своему статусу, закреплённому законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), независимым профессиональным советником по правовым вопросам, адвокат самостоятельно определяет тактику ведения дела, включая целесообразность и момент заявления тех или иных доводов в интересах доверителя.

При таких обстоятельствах Совет признает избыточными, не основанными на установленных Квалификационной комиссией фактических обстоятельствах и применимых нормах законодательства и профессиональной этики, квалификацию действий адвоката С. как нарушающих требования ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также выводы Квалификационной комиссии о неисполнении адвокатом С. обязанности заявить ходатайство о передаче гражданского дела по подсудности в 3. районный суд города Москвы и о ее недобросовестности, выразившейся в том, что она поставила личный интерес выше норм законодательства о территориальной подсудности и сознательно пренебрегла законным правом доверителей на рассмотрение спора судом по месту их жительства. Совет исключает эту квалификацию и эти выводы из рассматриваемого дисциплинарного обвинения.

В тоже время, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, отклоняет как несостоятельный и явно надуманный, не соответствующий применимым нормам гражданско-процессуального законодательства довод адвоката С. о том, что она планировала использовать факт нарушения подсудности при апелляционном обжаловании решения суда.

Согласно п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» нарушение судом первой инстанции норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности, не является основанием для применения судом апелляционной инстанции п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ. Решение суда может быть отменено ввиду нарушения подсудности, если на нарушение правил подсудности указано в апелляционных жалобе, представлении, и суд апелляционной инстанции установит, что *лицо, подавшее жалобу*, или прокурор, принесший представление, *заявляли в суде первой инстанции ходатайство о неподсудности дела этому суду и о передаче его по подсудности в соответствующий суд* или арбитражный суд, либо что у них отсутствовала возможность заявить в суде первой инстанции такое ходатайство по причине их неизвещения о времени и месте судебного заседания или непривлечения к участию в деле либо вследствие невозможности явиться в суд по уважительной причине, а также если нарушены правила подсудности, установленные статьями 26 и 27 ГПК РФ, либо правила об исключительной подсудности.

Являясь профессиональным советником по правовым вопросам, адвокат С. не могла не знать, что незаявление ходатайства о передаче дела по подсудности в суд первой инстанции лишает данный довод какого-либо правового значения в апелляционной инстанции. Следовательно, ссылка на это намерение как на «тактический ход» объективно не имела правовых перспектив.

При таких обстоятельствах Совет, согласившись в данной части с Квалификационной комиссией, пришел к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителями Р., П., выразившемся в том, что она, зная актуальный адрес регистрации доверителей по месту жительства и о нарушении правил подсудности гражданского дела № ..., рассматриваемого К. районным судом города Москвы, не разъяснила Р. и П. положения п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», и намеревалась использовать факт рассмотрения судом дела с нарушением подсудности в

качестве повода для апелляционного обжалования невыгодного доверителям судебного акта, не имея для этого правовых оснований.

В оставшейся части дисциплинарных обвинений Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката С. неопровергнутой, в связи с чем дисциплинарное производство в соответствующей части подлежит прекращению. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Как указано выше, формирование тактики дела в интересах доверителя, заключающейся, в том числе в определении необходимости, целесообразности и момента совершения адвокатом конкретных процессуально значимых действий, во всех случаях относится к исключительной компетенции самого адвоката как независимого профессионального советника по правовым вопросам. Органы адвокатского самоуправления не вмешиваются в тактику, определяемую самим адвокатом при ведении конкретного дела. Критической оценке со стороны органов адвокатского самоуправления могут быть подвергнуты только такие нарушения норм законодательства, которые в силу явного и грубого их характера влекут неисполнение адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем или наступление негативных публично-правовых последствий. Вопросы о том, какие отзывы и возражения было необходимо готовить и в какой момент заявлять адвокату С., как отстаивать интересы заявителей в судебном процессе, относятся к выбранной адвокатом тактике ведения гражданского дела, в которую органы адвокатского самоуправления не вправе вмешиваться.

Кроме того, в соответствии с положениями пп. 6-7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе на обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и указано выше, адвокат С. 27 января 2026 года подала возражения на исковое заявление на пяти листах, а затем 03 марта 2026 года – дополнительные возражения на четырех листах. В указанных возражениях изложены обстоятельства дела, правовое обоснование позиции ответчиков со ссылками на нормы права и применимую судебную практику, а также анализ доказательств. Таким образом, довод заявителей о подготовке адвокатом С. отзыва на иск на двух страницах опровергается материалами дисциплинарного производства. Кроме того, сам по себе объем возражений (отзыва) на иск не может свидетельствовать о ненадлежащем исполнении

адвокатом своих профессиональных обязанностей, если в них приведены все необходимые для обоснования позиции доверителей правовые и фактические доводы. Представленные адвокатом С. возражения на исковое заявление содержат развернутую правовую позицию, ссылки на нормы права и оценку доказательств.

Довод заявителей о том, что они получили возражения на иск лишь после вынесения судом 03 марта 2026 года решения по делу, опровергается материалами дисциплинарного производства. Согласно переписке сторон в мессенджере 27 января 2026 года адвокат С. направила Р. файл с возражениями на иск в формате «pdf», а 03 марта 2026 года – еще три документа в указанном формате.

Также не нашли своего подтверждения доводы заявителей о возражениях адвоката С. против участия заявителей и дачи ими объяснений в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу. Доказательств данных дисциплинарных обвинений заявителями не представлено. В переписке участников дисциплинарного производства не содержится каких-либо подтверждений этого довода заявителей, как не содержится и их просьб об участии в судебных заседаниях. Вопрос участия заявителей в судебных заседаниях в этой переписке не обсуждался. Отсутствуют и доказательства того, что адвокат С. каким-либо образом препятствовала заявителям явиться в судебные заседания.

Доводы жалобы о том, что адвокат С. «сделала все, чтобы наш оппонент выиграл суд», также не конкретизированы и не подтверждены доказательствами. В жалобе заявителей не указано, какие именно действия адвоката С. были, по их мнению, совершены не в их интересах. Заявители не привели ни одного фактического эпизода, который свидетельствовал бы о таком поведении адвоката С. В свою очередь, адвокат С. утверждает, что добросовестно выполнила свои обязательства по Соглашению с доверителями, и ее действия были направлены исключительно на защиту их интересов. Как указано выше, адвокат С. представила письменные объяснения и возражения на исковое заявление, из которых следует, что она руководствовалась согласованной с доверителями правовой позицией.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. непровергнутой в оставшейся части дисциплинарных обвинений.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за допущенное нарушение, Совет учитывает, что адвокатом допущено грубое нарушение процессуального законодательства, сопряженное с ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителями. В то же время Совет принимает во внимание отсутствие у адвоката С. дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени

отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителями Р. и П., выразившееся в том, что она, зная актуальный адрес регистрации доверителей по месту жительства и о нарушении правил подсудности гражданского дела № ..., рассматриваемого К. районным судом города Москвы, не разъяснила Р. и П. положения п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», и намеревалась использовать факт рассмотрения судом дела с нарушением подсудности в качестве повода для апелляционного обжалования невыгодного доверителям судебного акта, не имея для этого правовых оснований.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе Р. и П. от 08 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков